

КАК Я ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

Алекса
Тим

Мне 34 года. Я родилась мальчиком. По сей день большинство людей считает меня мужчиной, пусть и носящим нетипично яркую одежду — оранжевую куртку и шапку «какой-то дурацкой расцветки и детского фасона». Когда меня спрашивают про эти яркие цвета, я обычно рассказываю о том, что черное (а в Москве черный цвет зимой крайне популярен) плохо видно на ночной дороге, поэтому смешная комбинация цветов способна спасти жизнь во время перехода улицы или при передвижении вдоль трассы. Это, в общем-то, правда, но я молчу про главную причину: мне не хочется быть мужиком в черном. Я вообще не хочу быть мужиком. Я не планирую изменить свое тело гормонами или хирургией, но я не хочу быть женщиной. Те, кто читают меня в сети, знают, — я пишу про себя в женском роде и подписываюсь как Алекса.

Чтобы определить свою гендерную идентичность, мне нужно сначала определить само понятие гендера. Я могу дать ответ на вопрос «Кто я?» вовсе без привлечения гендера, но на английском языке — *I am a parent, researcher, intimate partner, writer and blogger*. А по-русски мне нужно уточнять: я «родитель» или «родительница»? «Исследователь» или «исследовательница»? Что значит быть мужчиной или женщиной? Если бы это был исключительно вопрос пола, то есть привязки меня к моему телу, проблемы бы не было: я готова принять правило «при наличии пениса говори о себе в мужском роде»; но ведь гендер — это больше, чем пол. История моей гендерной небинарности — это история про то, как я пересмотрела для себя маскулинность.

Сфера первая: интеллектуальная

Вероятно, мой подход к небинарности заметно отличается от того, который выработали другие люди, чей гендер не вписывается в бинарную оппозицию *женское/мужское*. У меня было не так много эпизодов, которые можно интерпретировать как желание быть девочкой. Да, я хотела забеременеть в семь лет, хотела стать андрогином в восемь (после прочтения статьи «Мужчина, женщина и стресс» в журнале «Наука и жизнь» за 1991 г.), мне иногда снились прекрасные женские образы, после тех снов я просыпалась совершенно счастливой. Но мы не можем быть уверены в том, что такое не происходило со всеми мужчинами: возможно, про это просто не говорят.

Моя небинарность проистекала не от желания быть женщиной и ощущения себя в другом теле, а от разочарования в мужской идентичности. От понимания того, что часть маскулинности невозможна, часть вредна, а часть попросту ничего не определяет: ведь, к примеру, быть физиком (представителем якобы типично «мужской» профессии) может и женщина. Я вообще могу объявить себя зергом, и это не отнимет моих профессиональных знаний.

Зерги — это вымышленная раса из вселенной «Starcraft», популярной серии компьютерных игр. Когда я была студентом физфака, я — пожалуй, как и большинство коллег — задумывалась о том, возможна ли разумная жизнь вне Земли. И я приходила к выводу, что вне зависимости от физической оболочки существ основы физики, математики, инженерной науки и химии будут везде одинаковы. Ученые с какой-нибудь иной звездной системы будут использовать, к примеру, двенадцатиричную систему исчисления вместо десятичной, но они все равно будут учеными. А спроектированный ими электродвигатель будет похож на земной, просто потому, что нет иного способа заставить вращаться рамку с током при помощи магнитного поля. Я росла на естественных науках и научной фантастике, это предполагало множество персонажей-мужчин, но это же подорвало мою гендерную бинарность. Потому что если ученые везде одинаковы, если у людей и каких-нибудь многополых или бесполок рас все равно будут схожие технологии, то где место универсальному гендеру?

В своей профессиональной сфере я не видела место гендеру вовсе. Когда я хотела стать физиком-теоретиком, когда я хотела стать нейро-

биологом, когда я подумывала о превращении в программиста и когда развивалась как научно-популярная журналистка — везде мой гендер был неважен. Если на физфаке еще ходили истории о преподавателе (и не у нас в МГУ, а в МИФИ), ставившим студенткам низший балл из принципа представительниц своей профессии, то остальные коллективы были вполне гендерно сбалансированы. Редакции, где я работала, вообще в двух случаях из пяти возглавляли женщины, включая одну из самых ярких представительниц своей профессии, руководившую порталом «Лента.ру» Галину Тимченко.

Сфера вторая: сексуальность

После фантастики и естественных наук второй удар по бинарности нанесла сексуальность. Так получилось, что мне всегда хотелось вещей, плохо совместимых с гегемонной маскулинностью. Вначале я этого стыдилась, потом задумалась — почему я, желающая временами быть оттраханной и связанной, оказываюсь вне постели более мужественной, чем многие мужчины, говорящие о своей правильной сексуальности? У меня был достаточно разнообразный опыт, и если не каждый раз, то через раз после особо ненормативных экспериментов я думала: «А что, собственно, это меняет в моей идентичности? Что это меняет в моей личности?» Раз за разом я понимала, что ничего. Неважно, был ли у меня опыт проникающего в мое тело секса, связывания, порки или чего угодно еще: эта сфера все равно не пересекается с публичным, не влияет на мой интеллект, мою способность взаимодействовать с людьми вне постели и мою работу. Когда я шла по улице с веревками под одеждой или колготками под джинсами, то понимала — это вообще только моя жизнь и мой выбор. И раз я делаю какие-то «женские» вещи с мужским телом, то сексуальность получается не столь уж и гендерной. Многим женщинам больше нравится стимуляция клитора, чем проникновение; многим мужчинам нравится пеггинг или анальная мастурбация: а если так, то где тут гендер?

Впрочем, здесь стоит сделать принципиально важную оговорку. Здесь и сейчас публичное говорение о сексе является, безусловно, гендерно маркированным. Мужчины часто говорят о сексе, но в общих выражениях, а женщины — реже, но зато от них можно скорее услышать про личный опыт. Недавно я делала для своего блога разбор одной книги с

емким названием «Зверский самец. Как стать мега-гуру» и обратила на это внимание: тексты мужчин гораздо более безличны, при первом удобном случае мужчины уходят от своего опыта к рассуждениям о чем угодно. В свете этой особенности как раз получается, что я — скорее женщина: я не хочу говорить про сексуальность в духе «у меня было много телочек, а в России народ закрепощен, но это поверхностное, а на самом деле все хотят». Я хочу говорить про свой опыт.

Женскость для меня с подросткового возраста была не столько сексуальностью вовне, не столько тем, к чему я стремилась, сколько доступом к своей собственной телесности и сексуальности. Поэтому, когда в этой сфере деление на мужское и женское для меня перестало работать, я стала обозначать себя как женщину. Возможно, если пытаться переводить на язык, ограниченный классическим набором Л,Г,Б,Т — я буду нон-оп (без хирургической коррекции пола) и нон-грт (без гормональной заместительной терапии) транслесбиянкой. Я не называю себя так из уважения к лесбийскому сообществу, но если пытаться впихнуть меня в эту систематику, то я окажусь именно в этой ячейке каталожного ящика.

Третья сфера: политика

«Быть мужчиной» для меня в начале нулевых годов значило брать на себя ответственность, быть профессионалом, обладать властью и направлять ее на благо окружающих. Российская политика стала воплощением только обладания властью. Аннексия Крыма была безответственной как в отношении партнера по договору — Украины, так и в отношении своих собственных военных, отправленных к украинским базам без опознавательных знаков, подобно тем отрядам, которые оказались в Грозном в ноябре 1994 г. То, что происходило между Россией и Украиной — Крым, Донецк, Луганск, антиукраинская пропаганда, включающая довольно грубо сделанные фальшивки вроде снимка «украинского самолета, сбивающего пассажирский лайнер»¹ — все это вызывало не только отвращение по отношению к российским властям, но также отвращение к той самой маскулинности, которая воспроизводилась и продолжает воспроизводиться публично в русскоязычном дискурсе².

1 В. Шевченко. Фото МН17, показанное Первым каналом — «грубый фотопшоп» // *Русская служба BBC*. 15.11.2014. www.bbc.com/russian/russia/2014/11/141115_mh17_claim_debunked (посещение 1.03.17).

2 См., например, анализ таких маскулинностей в: Helena Goscilo, ed. *Putin as Celebrity and Cultural Icon*. London and New York, 2013. — прим. ред.

Можно ли считать профессионалами тех, кто на снимок города с масштабом около километра в одном сантиметре накладывает изображение самолета в несколько сантиметров? Та подделка была представлена «Российским союзом инженеров», а именно инженер в моем сознании всегда был эталоном мужчины. Человек, способный спроектировать, собрать и наладить сложные технические устройства, направить силы природы на благо общества. Инженер — это благородный герой произведений Жюль Верна или Гарри Гаррисона, но никак не путающийся в основах школьной геометрии пропагандист. Мужчины так не делают, мужчины не нарушают договора, не бросают своих, не стреляют из жилых кварталов и не врут в прямом эфире.

Именно летом 2014 г. я начала писать про себя в женском роде, а на моих черновиках появляются трансгендерные символы. К этому моменту публично демонстрируемая в России маскулинность ассоциировалась с типажем, который часто называют словом *жлоб*: мужчина без особых моральных принципов, жадный, недалекий и вдобавок обрюзгший, хотя и кичащийся, в том числе, своими физическими параметрами. Вытащить в море чадающий и ломающийся старый авианосец, чтобы бомбить плохо вооруженных исламистов, весь флот которых был представлен недоделанным катером, — если такое призвано показать мужественность, то я даже изнутри патриархатной модели этим разочарована.

Сфера четвертая: будущее и биотех

В 2013 г. я прочла книгу Аарти Прасад «Like A Virgin»³. Она содержала то, что я знала, но над чем не задумывалась: информацию об исследованиях стволовых клеток и репродуктивных технологиях. В частности, там говорилось о том, что половые клетки можно получить перепрограммированием стволовых — по сути, повторив процесс создания гамет в человеческом теле.

С точки зрения биологии тут нет ничего необычного. А вот как социолог я должна отметить, что эта технология изменит мир: потому что для получения яйцеклетки и сперматозоидов нам потребуется две клетки от людей любых полов. И с появлением таких устройств и методов как искусственная матка или редактирование ДНК институт родительства уйдет в прошлое вместе с последней опорой для гендерной бинарности.

3 A. Prasad. *Like a Virgin: How Science Is Redesigning the Rules of Sex*. Oxford, 2012.

Моя внучка сможет стать папой, ее правнуки, возможно, вообще будут сделаны из искусственной клетки с полностью напечатанным геномом. А если так, то какой смысл держаться в ставших мне тесными уже сегодня гендерных рамках?

Мой путь к небинарной идентичности начался внутри патриархальной модели. Я росла как мальчик, который интересовался естественными науками, любил фильмы с Арнольдом Шварцнеггером, брал пример с отца-инженера, читал фантастику и играл в «мальчишковые» игры. Меня не переодевали в платьица, я не знала никого из ЛГБТ, у меня до 14 лет была полная семья и потом, после развода родителей, я осталась с отцом. Я подверглась, по всей видимости, сексуальному насилию в раннем детстве во время пребывания в больнице — но ни воспитание, ни травма не сделали меня квир.

Я не проводила исследование своих хромосом, но навряд ли во мне есть неучтенная матка и чисто статистически маловероятно, что мое тело химерно, что в нем половина женских, а половина мужских клеток. Просто раз за разом мужской гендер для меня становился либо тесным, либо пустым, либо токсичным. Когда мне стало за тридцать, моя дочь начала ходить в детский сад, а я сама решила получать профессиональное образование в сфере гендерных исследований — я поняла, что де-факто могу оставаться мужчиной только за счет тех вещей, которые мне по-человечески неприятны, и отрицая то, что мне действительно дорого. И я сказала себе: «ОК, теперь ты — Алекса».